

попдадец
ОУС ШЕ

Николай Юргин

КЕНТИЙСКИЙ ПРИНЦ

Николай Михайлович Ярыгин
Кентийский принц
Серия «Попаданец (АСТ)»
Серия «Честь имею», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48418642
Кентийский принц: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-118891-7

Аннотация

После встречи с Алексией тан де Кобург жизнь пошла совсем не так, как рассчитывал Алекс. Наживать врагов легко, встречать лицом к лицу их месть труднее, но наш человек никогда не сдается. Продираясь через все препоны, схватки с неприятелем, даже кровавые бойни, он все равно идет по пути, намеченному судьбою, а что там в конце пути, пока неизвестно никому.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	29
Глава четвертая	42
Глава пятая	54
Глава шестая	60
Глава седьмая	66
Глава восьмая	76
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Николай Ярыгин

Кентийский принц

© Николай Ярыгин, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

*Посвящается моим близким – Артему,
Кристине и Мишель Левицким.*

Глава первая

Прочитав послание, я осторожно сложил его и снова спрятал в шкатулку.

Вот и думаю я, чей же это сын, мой или Алекса, а с другой стороны, я – это Алекс, Алекс – это я, и нечего ломать голову, воспитывать его буду лично сам и передам все, что знаю. Мне лишь бы поскорей закончить со всеми этими заварушками. Правда, если Юсуф объединит степь и нападет, это будет долгая и кровавая война. Я еще не знал, что все самостоятельные и состоятельные роды отказались на большом сходе участвовать в этой аванюре.

Присоединились к Юсуфу только малочисленные и бедные племена степняков в надежде пограбить. У самого хана было две с половиной тысячи воинов. Как известно, хан Юсуф ину Доршон был из очень славного, но сильно обедневшего и крайне поредевшего рода. Когда-то его родное племя онгуров только воинов могло выставить до десяти тысяч. Но при его прадеде род практически уничтожила эпидемия, болезнь косила людей, как серп траву. Никто не знает, откуда пришло поветрие и отчего оно произошло.

Род вымирал долгих-долгих три года, это тянулось и тянулось. Постепенно их оттеснили с хороших и близких пастбищ, и пришлось племени переместиться на самый юг степи, где песка было намного больше, чем травы. Но все ра-

но или поздно заканчивается, закончилась и черная полоса в жизни онгуров. Женщины рожали мальчиков, и те со временем превращались в мужчин. Племя стало больше разводить овец, которые ели и колючку, и сухую, пожухлую траву, а не буйволов, которым нужна хорошая и сочная трава. И отец нынешнего хана обратился к Эргену ину Бергену, хану одного из родов ингулов, который и захватил большую часть пастбищ онгуров, с просьбой уступить часть бывших пастбищ. Но кто отказывается от того, что уже давно считает своим? И хан Дарга ину Доршон был послан далеко, с просьбой не возвращаться. Зря хан Берген смеялся над Даргой, и зря он назвал его сыном собаки... На следующую ночь около трехсот воинов онгуров напали на кочевье Бергена. Вырезали всех – от мала до велика, забрали только совсем маленьких детей, чтобы вырастить из них онгуров. Племена никогда не кочуют все вместе, а лишь небольшими кочевьями. Поэтому через день было вырезано следующее кочевье, за месяц племя ингулов сократилось более чем в половину. Тут вмещались многие сильные роды, чтобы прекратить кровопролитие и спасти остатки рода Берген.

Пастбища снова вернулись к роду Доршон, но среди степняков род стал считаться отмороженным на всю голову, диким и кровожадным. И с ним стали стараться поддерживать хорошие отношения. Род начал набирать большую силу и постепенно возрождаться. И молодому хану Юсуфу, находящемуся у власти всего пару лет, очень хотелось заявить о се-

бе как о смелом, отважном воине и умном правителе. Из-за этого он и согласился на предложение герцога Жирондо потрепать королевства и немного их пограбить, по неопытности даже не догадываясь о том, что герцог пытается за его спиной осуществить свои далеко идущие планы.

* * *

За эти три дня, в течение которых мы двигаемся к границе со степью, меня замучили песчаная пыль и несусветная жара. Одно спасает: что идем вдоль небольшой, мелкой речушки, и вечером на привале можно смыть всю пыль и грязь, которую собрали на себя за день. Завтра уже должны выйти к границе; сильно сдерживают обоз и пушки, но без них никак не обойтись, поэтому поспешаем медленно. Практически всех конников я отправил в дозор к границе, и каждый день получаю сообщение о противнике.

Утром перед тем, как Данису и Арну уехать, нам удалось больше часа поговорить и обсудить некоторые важные темы. Сообщил королю, что у меня родился сын, – он вначале очень удивился, а когда узнал подробности, долго хохотал. Все жалел Алексею, потом сказал, что ничего страшного, после Большой войны в Кентии официально вводили многоженство. Потом посоветовал беречь силы и нервы и снова принялся хохотать. Еще я попросил его не притеснять графиню Веленику, а просто поселить где-то недалеко, а при-

слугу назначить из людей баронета Ривейна. Король нахмурился, бросил взгляд на Арна, но тот все понял и поддержал меня. Данис поворчал для порядка. Мол, взяли моду королю указывать, что делать, но потом улыбнулся и сказал, что и сам так думал.

– Конечно, неплохо было бы ее отправить куда-нибудь, – задумчиво проговорил король, – можно выдать замуж в Барнем или в Кентию. Ладно, время покажет, а тебя, Алекс, я могу сменить, пришлю своих конников, и есть у меня парочка человек – неплохих командиров. Ты же займешься личными делами, но прежде чем передать командование, лично расставишь прибывших воинов, так как будешь знать диспозицию. И границу не переходить, а то получим полномасштабную войну... Очень уж болезненно степняки относятся к посещению их территории вооруженными людьми. Ну разве что разведчики пусть шастают. Ну, а там смотри сам, думаю, тебе на месте видней будет.

В середине дня принесли сообщение, что степняки переправляются на наш берег. Не все, но отряд в триста конников, не меньше. По всей вероятности, решили пограбить близлежащие села, и переправлялись они чуть в стороне от нас, а мы только час как прибыли, начали устанавливать палатки и организовывать лагерь. Пушкари в полукилометре выравнивали площадки и устанавливали пушки, разгружали порох и припасы для стрельбы.

Потихоньку подтягивались мои конники. Сейчас у меня

было тридцать арбалетчиков и столько же лучников, двести конников, из них тридцать тяжелых, и двести тридцать копейщиков и мечников.

Поговорив с сотниками, я решил немного потрепать степняков, а если удастся, то и заманить под залп пушек. Сейчас они пограбят и станут возвращаться к броду, и вот тут можно будет организовать засаду. Если же основной лагерь вышлет помощь избиваемым нами степнякам, надо лететь со всех лошадиных ног к лагерю. Ну, а мы со своей стороны постараемся организовать им горячую встречу. Конечно, если степняки всей массой на нас накинутся, нам не устоять... Что такое пятьсот воинов против нескольких тысяч, какие бы эти тысячи ни были слабые и плохо вооруженные! Строго предупредил конников, чтобы, возвращаясь и увидев красный флажок, резко уходили в сторону, дабы не попасть под пушечный залп. Наконец, все согласовав, конники выдвинулись в сторону брода с задачей устроить засаду степнякам. Я же погнал обозников и копейщиков устанавливать флажки для ориентира пушкарям и острые колышки для задержания конницы противника.

Вроде бы всё, все расставлены – и флажки, и колышки... Эх, не сообразил я изготовить «чеснок», ну да что теперь. Время тянулось и тянулось, прошло три часа, потом четыре. Уже думал, все: или ничего не получилось, или нарвались на большой отряд и не могут оторваться и выйти из боя. Но тут один, а за ним еще несколько наблюдателей, сидящих на

небольшом холме на деревьях, сообщили, что летят наши, а за ними очень большое войско. Очень много пыли, и плохо видно, но то, что большое, это точно.

Вот из-за перелеска выскочили и понеслись в нашу сторону мои конники, вот они увидели красные флажки, резкий поворот – и уходят в сторону, открывая появляющимся из пыли первым степнякам повозки, стоящие метрах в двадцати впереди пушек, ниже по холму. Несколько палаток и жиденькую цепь копейщиков за какими-то непонятными предметами.

Наверное, подумали, что это обоз и практически незащищенный лагерь горе-воjak. И с радостным криком и воем устремились к нему. Стоило им только поравняться с белыми флажками, как я скомандовал «залп». Все заволокло дымом, но перезарядились быстро – и снова залп в этот дым. И снова залп, залп, залп, а за дымом слышались крики, вой, стоны, визг людей и дикое ржание коней.

Наконец дым немного рассеялся, и нашим глазам представала жуткая картина. Горы бьющихся в агонии людей, лошадей и наши конники, рубящие уцелевших, не давая им уйти. Но все-таки три-четыре десятка вырвались и, нахлестывая коней, бросились удирать. Никто их не преследовал. Конники спешили и вели своих коней в поводу, очень уж те устали, да и сами воины прямо шатались от усталости. Сержант кентийцев, который у меня вырос до сотника, доложил, что когда они первую группу вырубали, тут и вторая

к броду подтянулась. Ну и с ней завязались, тут уже в лагере не выдержали и отправили на помощь еще несколько сотен всадников. Дождались, пока те начнут переправляться, и кинулись наутек.

Я приказал, чтобы пушкарям и конникам выдали по кружке вина, и отправил всех отдыхать.

– Часа в три ночи будем выдвигаться, – предупредил я командиров, выставил двойные патрули и секреты из копейщиков и мечников. Уже начало темнеть, когда я тоже решил подремать. Но заснуть не мог, все перебирал в памяти прошедшую схватку, видел, как людей трясло и корежило от вида этого побоища, некоторых рвало. Какие они воины? Войны пятьсот лет не было, где бы они могли ожесточиться и привыкнуть к крови и трупам. То же самое было и возле замка герцога: бледные и зеленые лица, хоть большинство и храбрилось, но все то, что происходило, их пугало и вызывало отвращение.

Глава вторая

– Салах, где мои люди, где воины, которых я тебе доверил? – орал с пеной у рта Юсуф ину Доршон. Был он среднего роста, с заметным брюшком и кривыми ногами всадника. Маленькие, глубоко посаженные глазки и большой крючковатый нос, два верхних передних зуба выдавались чуть вперед, и хан немного шепелявил. Ничего выдающегося как во внешности, так и в интеллекте у Юсуфа не было, и если бы не наследственное получение титула, ему бы никогда не стать даже сотником. Амбиции при отсутствии мозгов никогда ни к чему хорошему не приводили.

Он еще долго бесновался и пинал ногами стоящего перед ним на коленях Салаха ин Галаха, своего двоюродного брата. Но все-таки ума хватило не отдавать его палачу, так как в этом случае в бой орду вести надо будет самому. Нет, хан не был трусом, просто знал, что в военных вопросах он профан, вот если что-то обменять продать или купить просто даром, это к нему. Успокоившись, Юсуф налил в пиалу кумыса и выпил.

– Рассказывай еще раз, что там произошло.

Салах стер рукавом кровь с разбитого лица и принялся рассказывать.

– Пока мы переправлялись, они успели изрубить больше половины воинов Ербека, а баргезовских положили всех.

Увидев, что мы выбрались на берег, они развернулись и бросились бежать. Кони у них были уже уставшие, и я надеялся догнать их и зарубить. И казалось, что вот-вот уже можно омыть мечи кровью собак, а тут... Когда мы выскочили из-за поворота, увидели лагерь, там стояло много телег, виднелись палатки и совсем было мало воинов.

Собака Валах закричал, чтобы все атаквали обоз... Сейчас мы поживимся, орал он. И все кинулись к обозу, я и сказать ничего не успел, да и ты же знаешь ингулов и каторцев. Они же неуправляемые, к тому же совсем бедные, а тут целый обоз. Не успели проскакать и одну четверть полета стрелы, как вдруг раздался гром, а на холме, где стоял обоз, сверкнул огонь, а потом дым стал закрывать его. Вокруг стали падать воины, это было страшно: кони ржали, люди кричали и падали с коней или вместе с конями, а гром раздавался и раздавался; те, кто был впереди, начали поворачивать назад, но сзади напирали, получилась толчея. И эти толпы вдруг начали валиться мертвыми, мы уже развернулись – и тут на нас налетели всадники противника, за которыми мы гнались. Ты знаешь меня – я не трус, но воины были так напуганы, что почти не оказывали сопротивления. Я и несколько человек смогли отбиться и поспешили принести тебе весть об этом непонятном громе.

Юсуф сидел, нахмурившись, он ничего не мог понять, что за гром, почему об этом никто никогда не слышал. Потом он ударил в бронзовое било, подвешенное справа от того места,

где он сидел, и в шатер заглянул слуга.

– Сообщи Седому Пта, что я хочу с ним посоветоваться и скоро приду.

Седой Пта – это был шаман племени. Почему Седой Пта было его имя – потому что он седым и родился, шаман был альбиносом. Сколько ему лет, никто не знал, казалось, что он живет вечно. Седой Пта шаманил при деде, отце хана и при самом Юсуфе... Это был скелет, обтянутый кожей. Когда Юсуф вошел в шатер шамана, тот уже сидел у жаровни, качался из стороны в сторону и вдыхал свой дым просветления.

– Я уже знаю, для чего ты пришел, – проскрипел Седой Пта. – Слушай. Еще при моем прапрадеде, когда горы были мягкие, как глина, а степь иногда тряслась, как руки у стариков, жил тогда один злой и могучий колдун, который мог вызывать гром и убивать им... Говорили, что когда он умирал, то пообещал вернуться. Вот и думаю я, не вернулся ли этот колдун вновь, переродившись. Иди, Юсуф, мне надо посоветоваться с духами предков.

Выйдя от шамана, хан посмотрел на противоположный берег реки и решил следующей ночью сделать вылазку, попробовать поближе посмотреть, от чего происходит этот гром.

Когда стемнело, выдвинулись к месту переправы степняков, двигались не спеша, пройти надо менее трех километров. Коней вели в поводу, чтобы меньше шуметь, и тем не менее было достаточно шумно. На небе сияла полная луна и тысячи звезд, было довольно-таки светло, и видимость была хорошая. Не доходя с километр до места будущего базирования, из впереди идущего дозора сообщили, что в лагере степняков слышен шум и громкие команды. Я выдвинул вперед всех конников и стрелков. Но как оказалось, степняки, заслышав шум шагов, скрип повозок и бряцанье оружия, решили не рисковать и перенести лагерь подальше от реки.

Двигались мы медленно, но компактно, я дал команду не растягиваться, и обоз с пушками и припасами находился в середине колонны. Наконец мы достигли того места, где я думал устроить лагерь. По фронту перед нами находилась река, а за спиной – село, которое все-таки успели пограбить и разорить степняки.

Начинало светать, и над рекой потянулась дымка тумана, звезды меркли, а мои воины начали устанавливать палатки и размещать пушки, готовя для них площадки. Задымили костры, на которых повара готовили кашу, и вкусно запахло. Когда совсем рассвело, я увидел, что степняки оттянулись от реки всего метров на триста-четырееста... Появилась воз-

возможность преподать им очередной урок.

Спешить не стал и, после того как мои воины поели, а пушкари закончили выравнивать площадки и установили пушки, дал команду зарядить их гранатами и сам навел центральную пушку на лагерь. После чего произвели несколько залпов. Ох, как забегал неприятель; мне было прекрасно видно, как разрывы вставали среди юрт и шатров. На какое-то время пыль и дым от разрывов закрыли от нас лагерь степняков, и я дал команду прекратить стрелять. Когда видимость восстановилась, увидел, как неприятель удирает – кто на конях, кто пешком. Через некоторое время лагерь стоял абсолютно пустой, за исключением убитых и раненых.

Примерно через час я послал конников осмотреть лагерь и собрать трофеи. Народ радостно и возбужденно загомонил, услышав про трофеи, одни лишь кентийцы оставались спокойными. Обговорив с сотниками конников порядок сбора трофеев, предупредил о том, что в случае нападения степняков не геройствовать, а уходить за реку. Копейщики собрали все лодки местных рыбаков вдоль берега и, тоже переправившись на тот берег, стали ждать трофейщиков. Я же, раздав команды, решил немного отдохнуть, все-таки эти сутки вымотали меня основательно.

Странная в степи погода: днем жара, ночью довольно прохладно, если не сказать холодно.

Я спокойно проспал часа три, никто меня не тревожил, и, когда встал, оказалось, что трофеи до сей поры еще соби-

рают и возят. На берегу уже была приличная куча всякого барахла, ее тут же сортировали и раскладывали. Сбор затянулся до вечера. Утром, выбрав несколько человек, которым приказал погрузить все, что собрали вчера, на несколько телег, отправил их в ближайший город с наказом сдать какому-нибудь купцу, не сильно торгуясь.

Через два дня прибыли две с половиной тысячи воинов, присланных королем. Возглавлял их двоюродный дядя короля, граф Итер де Сартон, с которым отношения у меня сразу не сложились. Очень, видать, ему не хотелось мне подчиняться, и он, ссылаясь на то, что является родственником короля, сразу стал демонстрировать свою значимость и величие. Поэтому, несмотря на то что в его войске еще не успели установить шатры и палатки, послал ко мне посыльного с приказом прибыть к нему на доклад. Я прекрасно понимал, что такое может произойти, и поэтому ожидал чего-то подобного. Не став ни удивляться, ни возмущаться, я просто попросил посыльного передать графу, что следует точно выполнять приказ короля.

Прибывшие расположились в полукилометре по левую руку от нас, в самом широком месте реки, и принялись патрулировать местность вдоль реки и прилегающую к ней территорию. Нет, все было грамотно и правильно – и расположение лагеря, и его обустройство, правда, потом что-то патруль не поделил с патрулем местного барона. Был какой-то скандал – я, честно сказать, не вникал, по всей вероятности,

граф дал приказ своим воинам и офицерам с нами не общаться, и те старались даже не смотреть в нашу сторону. Ну, а мне было совершенно безразлично, я готовился сдать свои позиции королевским воинам и вернуться домой, очень уж этот месяц был насыщенным на события.

Степняки, расположившиеся в полутора километрах от реки, старались всеми силами испортить нам жизнь. И поэтому каждую ночь, а то и днем, небольшими группами по десять – пятнадцать человек делали набег на нашу территорию. В основном в стороне королевских войск, так как, попробовав однажды это сделать с нашей стороны, их группа была порвана котами, в связи с чем активность степняков в этом районе резко упала. Река была мелкая, имела много бродов, особенно в летнюю жару, и проблем при пересечении ее не было ни у нас, ни у них.

После общения с нашими разведчиками у меня родился план, правда рискованный и авантюрный. Шатер хана Юсуфа, а также шатры шамана Седого Пта и двоюродного брата хана стояли чуть в стороне от общего лагеря степняков. И возникла у меня мысль выкрасть хана, тем более Март уже пару раз подбирался к шатрам почти вплотную. Обговорил все со своими разведчиками и прихватил с собой десяток кентийцев... Ведь если получится, кому-то же надо Юсуфа нести. В свое время, еще только узнав, какую подлость затевает герцог, я дал команду своим швеям пошить маскхалаты, набросав эскиз что-то типа «кикиморы» – с желтыми,

коричневыми и зелеными полосками ткани, при этом в капюшоне открытыми оставались только глаза и рот. Вот теперь они опять пригодятся.

В самом начале ночи нас переправили на лодках, и мы волчьим шагом направились в сторону лагеря хана Юсуфа. Лагерь находился на небольшом холме, до подножия которого тянулось несколько промоин, образованных стекающими ручьями воды во время дождей. Вот мы и решили их использовать, чтобы подобраться к хану Юсуфу. Кентийцев оставил в самом начале промоины, а сам с Мартом и Саймом осторожно двинулся к самому лагерю. Когда промоина закончилась, нам надо было преодолеть еще метров сто открытого пространства. Впереди полз Март, потом я, замыкающим был Сайм.

Лагерь спал, да и была уже середина ночи, только караульные сидели у костров, иногда приподнимаясь и вглядываясь в темноту. Пыль от сухой травы забивалась в нос, и очень сильно хотелось чихнуть, я просто неимоверным усилием сдерживал это желание. Наконец мы добрались до задней стороны шатра хана, я приготовился разрезать полог, а Март и Шорто поползли вокруг, чтобы снять часовых у входа в шатер. Когда они удалились, я осторожно разрезал кинжалом ткань шатра и проник внутрь. В шатре стоял запах немытого тела, бузы (местной браги)... Я услышал сопение спящего мужчины. В центре шатра стояла небольшая жаровня с тлеющими углями, дающая совсем немного света, при

котором можно было различить, что и где находится.

Осторожно, пытаясь ничего не зацепить по дороге, я приблизился к хану, толкнул его и, когда он открыл глаза, зажал рукой ему рот и резко ударил в солнечное сплетение. Тот вылупил глаза и открыл рот, пытаясь вдохнуть, а я тем временем всунул ему в рот заранее приготовленный кляп. Перевернув его на живот, принялся вязать ему руки. В это время в палатку заглянул Шорто, и, увидев, что я вяжу Юсуфа, они с Мартом по очереди затащили тела двух часовых. Закончив вязать руки хану, накинули на него какое-то темное покрывало, дополнительно связав ноги. Практически беззвучно вытащив его через прорезь в шатре, двинулись в обратный путь.

Возвращаться было намного тяжелее, приходилось тащить еще тушку Юсуфа, а тот, придя в себя, всеми силами пытался нам мешать, извивался как червяк. Хорошо хоть, пока тащили его по открытому пространству, он еще не пришел в себя, в промоине было немного полегче. Но двигались все равно полусогнувшись и несли хана с Саймом, ухватив за веревки, его связывающие.

Повезло, что ночь была безлунная. Кое-как дотащили хана до кентийцев, и, передав им куль с Юсуфом, я успокоился, правда, нам еще пришлось какое-то время ползти, удаляясь от лагеря. Но когда можно было уже сильно не прятаться, вскочили и, словно застоявшиеся кони, рванули к реке, пролетели последний километр очень быстро. Лодки нас ждали,

и, что удивительно, похоже было, что дружинники и глаз не сомкнули, ожидая нас.

Уже в палатке развязали нашу добычу, вытащили кляп хану, и, когда он наконец вдохнул, яростно сверкая глазами исподлобья, я с ним поздоровался.

– Доброе утро, хан Юсуф ину Доршон.

Тот отвернулся, не желая разговаривать, а я продолжил:

– Понимаю, что для вас оно не очень доброе, но как-то же надо было мне пригласить вас в гости. Вы же понимаете, что эти мелкие заварушки между нами надо рано или поздно заканчивать. Или вы думаете продолжать эти наскоки вечно?

– Ты мог бы направить мне письмо, – гневно сверкая глазами, проговорил Юнус, – я бы подумал.

– И что дальше? Ты бы думал, я бы ждал, да и заключать договор я не имею права, я же не король. И все бы это тянулось, тянулось и тянулось. Давай сделаем так...

Но закончить я не успел, так как снаружи проорали:

– Ваша светлость, к нам парламентареры, что делать?

– Как что, принимать, – проговорил я, выходя из палатки.

На том берегу с десятков всадников размахивали зелеными ветками, вот один соскочил с коня и подошел к самому срезу воды, помахал зеленой ветвью.

– Сотник, отправь лодку и проводи его ко мне.

Вернувшись в палатку, я спросил хана:

– Вы гарантируете мне, что не будете делать глупостей и, если я вас развяжу, не будете пытаться сбежать, и дадите сло-

во, что вы мой пленник.

Юсуф подумал и кивнул головой.

– Я ваш пленник и отдаю себя в ваши руки, – сказал он ритуальную фразу.

– Пленив вас, я не нанесу вам умаления вашей чести и достоинства, – проговорил я в ответ такую же ритуальную фразу и, достав нож, разрезал веревки на его руках. Ноги ему освободили еще в лодке, сколько можно его было носить, пусть уже сам ходит, не маленький. Затем я кинул ему один из своих камзолов и штаны, так как унесли мы хана в одной набедренной повязке, замотав его в покрывало. Юсуф благодарно кивнул мне и тут же начал одеваться, правда, вся одежда была большая для него, но думаю, несколько часов потерпит.

Через несколько минут как хан оделся, часовой у палатки прокричал:

– Парламентеры к его светлости!

– Пропустить, – ответил я, и в палатку вошел двоюродный брат Юсуфа, Салах ин Галах. Увидев хана, он поклонился вначале ему, потом мне и спросил у меня разрешения обратиться к Юсуфу.

– Мой хан, как ты? Все ли у тебя в порядке? Что нам делать? – засыпал вопросами Салах Юсуфа. Хан посопел, потом посмотрел на брата.

– Салах, что тебе сказать, надо ехать к королю, будем писать фирман о мире.

– Я виноват перед тобой, мой хан... не доглядели.

– Ты-то тут при чем, кто знал, что он на такое решится, – кивнул Юсуф в мою сторону. – Собери пару старейшин, кто пошустрей, знатных воинов, да подарки не забудь... И привезите мне одежду, пошли кого-нибудь, а то видишь, в чем я.

Юсуф махнул рукой и нахмурился. Весь разговор велся на языке интегов, на котором говорила вся степь. Может быть, они думали, что я его не знаю, может, им было так проще. Но я знал этот язык и все прекрасно понимал. Пока они говорили, я размышлял.

– Хан, если вы дадите мне слово, что через два дня придете на это самое место со свитой для поездки в столицу, то я вас отпущу, чтобы вы могли собраться и все организовать самому. Ведь глаз хозяина может увидеть то, что не увидят другие, – немного польстил я хану. Оба степняка вскочили и, поклонившись, заверили меня, что хан даст свое слово, а Салах везде и всегда подтвердит, что такое слово было произнесено.

Отпуская Юсуфа, я ничем не рисковал: слово, данное тут, очень и очень редко нарушалось, и если только давший слово нарушил его по своему желанию, он просто становился изгоем. Нет, конечно, будучи ханом, он имеет реальную власть, но в случае с нарушением данного слова он покрывал позором все племя. И тут племя имело возможность заменить вождя. Или один из знатных воинов вызывал его на дуэль, или старейшины, не заморачиваясь, выбирали другого главу

племени из его родственников, а потом уже низложенного хана любой мог вызвать на поединок.

Так что я крикнул дежурного и попросил его подать нам вина. После того как мы выпили по бокалу, я отпустил своего пленника собираться в столицу. За все это время, что находился в походе, я абсолютно не знал, что происходит в империи, почему молчит отец и нормально ли добрался караван с трофейным золотом, захваченным у герцога. Не имел понятия, что происходит в моем графстве. В конце концов, могли бы прислать посыльного, ведь скоро два месяца, как я в походе. Ну подождите, вот вернусь, я вас всех... Додумать, что я с ними сделаю, я не успел, так как в лагере раздался шум, крик, это была явно какая-то ссора. Нехотя поднявшись со своего походного стула, я выглянул из шатра. На входе в лагерь было какое-то столпотворение, и туда потихоньку стягивались все, кто не был занят в нарядах или на работах.

– Сержант, – окликнул я кентийца, – узнай, что там происходит.

Тот быстрым шагом двинулся в сторону разгорающегося скандала. Сам я вернулся в палатку и налил себе очередную кружку прохладного фруктового взвара (что-то типа компота). Да, всех своих кентийцев я сделал сержантами, а некоторых – полусотниками и сотниками; протекционизм, что тут поделаешь. А кому мне еще доверять, как не им? Кроме того, я для них принц, да и среди кентийцев предатели – настолько редкое явление, что за несколько веков их можно пере-

считать по пальцам одной руки.

Появившийся сержант доложил, что этот шум устроил граф Итер де Сартон, не нашедший ничего лучше, как с группой своих командиров на заявление часового подождать, пока мне доложат об их прибытии, попытаться пройти, не обращая внимания на часового. В результате тот, вызвав подкрепление, заблокировал «группу гостей».

– Пусть их проводят ко мне, – распорядился я и свистнул Алого с сестрами.

Последнее время коты весь день отсыпались и не выходили из шатра, чтобы не пугать народ, а по ночам нарезали круги вокруг лагеря. И благодаря им, лагерь жил спокойно и тихо после того, как несколько групп степняков были порваны и поломаны, а вот у соседей стычки по ночам происходили постоянно, и уже были жертвы и раненые.

Полог на входе резко распахнулся, и в шатер буквально ворвался граф Итер де Сартон; его лицо пылало праведным гневом.

– Как вы смеете что-то предпринимать без согласования со мной! – заорал он с порога.

Алый, лежащий возле меня, прыгнул навстречу графу и рыкнул; тот, не ожидавший увидеть тарга в моей палатке, резко побледнел и сел на пятую точку.

Я, испугавшись, что граф испустит дух от ужаса прямо у меня в палатке, отогнал от него Алого, после чего спокойно спросил:

– Граф, вы что-то хотели мне сказать? Не стоит сидеть на земле, вот стул, присаживайтесь.

Я приказал дежурному подать охлажденного вина. И, когда еще не пришедший в себя граф поднялся, снова спросил его, глядя, как бледность начинает отступать от его лица:

– Так что вы хотели мне сказать?

– Это... это кто, что? – заикаясь, спросил граф. Потрясение и испуг были довольно сильные, и я налил ему в кубок вина, которое принес дежурный. Де Сартон залпом выпил бокал и начал приходить в себя, лицо порозовело, взгляд стал более осмысленный.

– Граф, – продолжил я, не ответив на его вопрос, – через пару дней я оставляю на вас весь участок границы и отправлюсь к себе в маркизат. Все это согласовано с королем, поэтому приготовьтесь к увеличению охраняемой зоны. Да, кстати, я не обязан перед вами ни в чем отчитываться, я думаю, вы и сами это понимаете. И еще, со мной к королю отправится хан Юсуф ину Доршон для заключения договора о мире. Если вы все поняли, то я вас не задерживаю, надеюсь, удовлетворил ваше любопытство.

С моей стороны это было чистой воды издевательство. И пусть сейчас граф в прострации, но со временем, отойдя от испуга и стресса, он все вспомнит, так что у меня появится еще один враг. Де Сартон поднялся и на негнущихся ногах поплелся к выходу. Уже откинув полог шатра, он оглянулся и пристально посмотрел на меня. Затем сделал шаг, и опу-

стившийся полог отделил нас друг от друга.

К вечеру меня ожидал еще один сюрприз... Прибыло пятьсот кентийских конников, а вместе с ними и Ларт. После того как возглавлявший кентийцев барон Иберт эль Варт представился и передал мне послание моего отца, а также письмо от матушки и брата, настала очередь Ларта. Он достал из баула, который не выпускал из рук, шкатулку и с поклоном протянул ее мне. Открыв ее, я увидел подзорную трубу.

– Неужели у вас получилось? – проговорил я, рассматривая монокуляр. Ларт же прямо светился весь от удовольствия.

– Так, а ну проверим сейчас, – и я поспешил к выходу. На улице было еще совсем светло, и ничто не препятствовало мне испытать прибор. Я навел его на небольшой кустарник на том берегу реки и, подрегулировав резкость, был просто поражен, как хорошо все было видно. Пусть это не приборы моего мира, и все-таки это же ого-го... Приближение монокуляра давал тоже нормальное, где-то трех-четырекратное. Это было просто великолепно!

Оторвавшись от осмотра и повернувшись к Ларту, я просто не знал, как выразить ему свое восхищение.

– Ларт, да ты просто молодец, как вы только успели все сделать и отрегулировать?

– Ваша светлость, все по вашим эскизам и инструкции. Мы, конечно, старались, но без ваших пояснений и чертежей

вряд ли что получилось бы.

– Это один экземпляр, или есть еще? – поинтересовался я.

– Я привез пять штук, и еще есть линзы на два десятка приборов, их сейчас шлифуют, после чего будут собирать. Самое сложное – это отливка линз без пузырьков, а в остальном мы уже отработали порядок действий.

– Вот, барон, полюбуйтесь, – протянул я монокуляр стоящему рядом со мной барону Варту. Показав ему, как отрегулировать прибор, принялся ждать реакции.

– Граф, – через некоторое время проговорил барон, – это чудо, это просто чудо, – твердил он. – Очень хорошая вещь для охраны границ – можно глянуть далеко и сразу знать, кто идет или едет, вооружен или нет, да и при боевых действиях можно разглядеть, что замышляет противник. Вы будете их продавать? – протягивая мне монокуляр, спросил он.

– Буду, но пока только ограниченными партиями и, скорей всего, отцу, а он сам решит, кому выдать. Ну и, конечно, королю Торвала. Но в первую очередь обеспечу себя.

Глава третья

Алексия изнывала от скуки, и у нее появился хитрый план, как немного развлечься и развеяться. Герцог поначалу и слышать ничего не хотел, но, как говорится, капля камень точит. И через две недели уговоров он разрешил Алексии провести маркизу Ильми де Перьен, выделив при этом для охраны двадцать гвардейцев. Все-таки баронство родителей маркизы находилось на самой границе с империей, и предосторожность была не лишней.

Усевшись в карету, подаренную Алексом, уже через сутки она въезжала в ворота замка родителей маркизы Ильми. Все-таки почти за полгода, проведенные рядом в замке Алекса, они невольно сблизились. Пусть они по-прежнему соперничали за внимание графа, но даже это сыграло свою роль в их сближении. Поэтому, после поклонов отцу и матери Ильми, Алексия радостно обняла Ильми и расцеловала.

Вечером за ужином в ее честь, когда она привела себя в порядок и отдохнула, они с Ильми наперебой вспоминали смешные случаи и происшествия, происходившие в замке Алекса, и веселились. Родители Ильми были пожилыми, но очень общительными и, как обратила внимание Алексия, добрыми и гостеприимными. Они изредка задавали Алексии вопросы и внимательно слушали, что она отвечала. Алексии показалось, что Ильми мало что рассказывала родителям об

Алексе и своем пребывании в замке, а после ужина ее ждало потрясение, когда Ильми взяла ее за руку и привела в свою опочивальню. При виде кровати и младенца в ней у Алексии пропал дар речи и ноги стали ватными, и она чуть не упала рядом с кроваткой малыша. На глаза непроизвольно стали наворачиваться слезы, и Алексия с трудом сдерживалась, чтобы не разрыдаться. С трудом справившись со своими эмоциями, она спросила:

– Это сын Алекса?

– Да, Алексия, это его сын, но тебя это не должно пугать, – обнимая ее, сказала Ильми, – ты ведь знаешь, что нам никогда с ним не быть вместе, а ребенок... Мне ведь уже двадцать семь лет, и это последняя надежда родить ребенка от любимого мужчины. Ты же знаешь, что я, как и ты, очень люблю Алекса. Только ты можешь выйти за него замуж и жить со своим любимым, а у меня останется вот этот, пока еще маленький, но самый любимый мой мужчина. Я даже не стала брать кормилицу, а сама его кормлю. Знаешь, это не передаваемое чувство.

Алексия все-таки не сдержала слез и, уткнувшись в плечо Ильми, беззвучно зарыдала. Маркиза тоже заплакала, на что-то жалуясь – или на свою жизнь, или на несчастную любовь, или на все вместе. Так они просидели почти час, успокаивая друг друга и вытирая друг другу слезы, пока в кровати не закричал и не завозился малыш. Ильми чмокнула Алексию в щеку, провела рукой по голове и поднялась.

– Кормить пора, – с этими словами она достала из кровати ребенка и, присев рядом с Алексией, достала грудь, расстегнув лиф платья, и поднесла к ней малыша. Тот ухватил сосок и стал жадно сосать, временами причмокивая. И такое у него было сосредоточенное и серьезное выражение лица, как будто он выполнял какую-то важную работу, что Алексия непроизвольно улыбнулась, а потом захихикала.

Покормив, Ильми застегнула лиф и, протянув малыша Алексии, предложила подержать. Та осторожно взяла ребенка и заглянула ему в глаза, а тот вдруг улыбнулся ей и что-то агукнул, потом снова заулыбался.

– Ильми, Ильми, он мне улыбается, посмотри, – прошептала Алексия. А малыш улыбался и махал ручками, агукал – ему понравилась эта новая знакомая, от нее хорошо пахло, а он был сыт, и его радовало все окружающее. Алексия наклонилась и поцеловала его в розовую щечку.

– Какой ты хороший, ты скоро вырастешь и станешь красивым и сильным, – шептала она малышу, а Ильми стояла рядом и улыбалась. С этого дня Алексия постоянно находилась рядом с ребенком. Когда он не спал, носила его на руках, развлекала его и разговаривала с ним, а тот смотрел на нее очень внимательно, как будто пытался запомнить все, что она говорила.

Правда, здесь тоже царила скука. Когда спала новизна от встречи, оказалось, что самое большое развлечение – это прогулки в саду. У деда Алексия могла съездить в ближай-

ший город или просто отправиться на прогулку. Правда, раздражало присутствие в большом количестве охраны, но от этого некуда было деться, а Ильми была связана малышом, и ее жизнь сейчас была подчинена ребенку: вовремя покормить, уложить спать и так далее. Чтобы менять пеленки, подмывать и укладывать спать, у малыша была няня, но вот кормить, даже среди ночи, вставала Ильми, и кормилицу не брали. Пробыв в гостях почти седмицу, Алексия засобиравалась домой, правда, в ее прелестной голове возникла очередная идея.

– Послушай, Ильми, – как-то сказала она, – ты ведь уже сколько времени сидишь в замке, нигде не бываешь и ничего не видишь. Поехали ко мне. Сейчас тепло, возьмешь малыша и немного развеешься. Кстати, я хочу заказать у нашего ювелира перстень для тебя в честь рождения сына. Поехали, а? – канючила она, таскаясь хвостом за Ильми, пока та не согласилась.

Рано выехать не получилось, выехали, когда солнце уже поднялось к завтраку. В карету установили небольшую люльку, как раз для таких поездок, и усадили няню с корзиной пеленок и сменных распашонок.

Ильми, если честно, очень не хотелось ехать, вот не лежала душа у нее к этой поездке. В дороге они вспоминали свое путешествие с Алексом, схватки по дороге с разбойниками и кентийское мясо на палочках. Когда малыш бодрствовал, смеялись громко и весело, а когда спал, тихонько хихикали.

Где-то после полудня они вдруг слышали крики, проклятия и звон клинков. Отодвинув занавеску на окне кареты, Ильми увидела, что на дороге идет бой. На гвардейцев герцога напала довольно-таки большая банда или отряд, клинков в пятьдесят. В этот момент карета резко дернулась и стала набирать ход, а гвардейцы попытались связать боем напавших, но тех было намного больше, и несколько всадников бросились в погоню за каретой. Маркиза побледнела, схватила малыша и прижала его к себе. На какое-то время все замолчали, а карета неслась вперед все быстрее и быстрее, ее кидало из стороны в сторону, слышно было, как кучер щелкает кнутом и кричит, подгоняя лошадей.

– Алексия, на нас напали, – проговорила Ильми, склоняясь над ребенком, – если вдруг...

Договорить она не успела, карета начала резко поворачивать, и кучер не справился с управлением лошадьми. Карета вдруг сильно наклонилась и опрокинулась, а потом еще и перевернулась. Наверное, на какое-то время Алексия потеряла сознание, а может, ей это просто показалось. Когда она смогла адекватно оценить ситуацию, то увидела, что Ильми лежит с неестественно вывернутой головой, прижимая к себе плачущего малыша. В углу копошилась служанка, карета лежала на крыше, с одной стороны дверцы отсутствовали... И Алексия увидела, как к ним приближаются конники, что-то весело крича. Они были еще далеко, и что они кричали, было не разобрать.

К ней снова вернулись ее страхи, забытые рядом с Алексом. Понимая, что хорошего от этих всадников ждать нечего, она попыталась взять из рук мертвой Ильми ребенка, но пошевелив левой рукой, закричала от боли – рука была или сломана, или сильно ушиблена. Скрипя зубами, она одной рукой кое-как освободила ребенка из рук мертвой матери и, выбравшись из кареты, кинулась с ним бежать к лесу, который находился почти в двух шагах.

Она уже почти вбежала в лес, когда рядом с ногой в землю ударил болт от арбалета, а второй впился в дерево с другой стороны. Но Алексия бежала, не обращая ни на что внимания, вперед, только вперед, лавируя между деревьями и кустами. Она бежала до тех пор, пока ноги от усталости не подкосились, и тогда просто свалилась в траву под большим деревом. Правда, свалилась очень осторожно, стараясь не повредить больную руку и самое главное – свою ношу... ребенка Ильми и Алекса.

Отдышавшись и немного придя в себя, она огляделась и стала думать, что же ей делать. А что можно сделать в такой ситуации? Куда она забрела, не знает, как выбраться отсюда – тоже. На руках ребенок, который плачет, испуган и хочет есть. Чем же мне тебя кормить, крошка, думала Алексия. И от этих тяжелых своей безысходностью дум и от испуга она горько заплакала, понимая, что, избежав одной напасти, она попала в другую. Она плакала, и плакал малыш, так они и сидели: она на земле, он у нее на руках, и оба плакали, и

неизвестно кому из них было горше.

Наконец она успокоилась... Надо идти, надо идти туда, откуда бежала; там дорога – может, повезет и она как-то сможет сообщить герцогу о себе. И она, поднявшись, побрела, стараясь разглядеть свои следы и идти по ним. Шла, спотыкаясь и цепляясь подолом платья за все ветки и кусты. Когда она, зацепившись в очередной раз, порвала подол платья, у нее мелькнула мысль, как же она смогла бежать с ребенком в одной руке. И нигде не упала, не споткнулась, не зацепилась.

Конечно, она заблудилась, но шла и шла, надеясь, что выйдет из леса, шла несколько часов, обдирая ноги о коренья и сучки. Когда совсем стемнело, она сняла с себя модный жакет и закутала в него ребенка. Одной рукой это было тяжело сделать, но она справилась, при этом истово молилась и просила помощи у Зеи-плодоносицы. Тут же под кустом, где она кутала малыша, и задремала.

Под утро она сильно замерзла, но еще больше ее беспокоило, как бы не замерз малыш, поэтому всю ночь она прижимала его к себе. Малыш спал, и это ее немного успокоило. Как хорошо, что она надела дорожное платье, а не шелковое, как хотела. Тут и это порвалось, а от того вообще бы уже ничего не осталось. В лесу становилось светлее, начинался новый день. Она попыталась взять ребенка одной рукой, но это у нее никак не получалось. Тогда она встала на колени, подсунула руку под малыша и, прижав его к груди, попыталась встать, но, наступив на подол платья, снова упала и больно

ударилась лицом. Малыш захныкал и заворочался.

– Тихо, тихо, маленький, не плачь, пожалуйста, скоро все будет хорошо, – шептала она ему. Хотя уже и сама не верила в это, но и сидеть ждать, когда умрешь от голода или тебя сожрут дикие звери, она тоже не хотела. Кое-как все-таки поднявшись с малышом в одной руке, она побрела, как ей показалось, по еле заметной, узкой тропинке. И только она подумала о диких зверях, как из-за ближайших кустов выскочил волк.

«Вот и все, – подумала она, – а как же маленький? Как же так, как же так...» – заполошно металась в ее голове одна-единственная мысль. Но волк повел себя довольно странно, вместо того чтобы пытаться напасть или как-то проявить агрессию, он вдруг сел и начал поскуливать и неумело тявкать.

– Тубо, чего ты там нашел? – вдруг раздалось за теми кустами, откуда выскочил волк, и перед Алексией появился паренек лет двенадцати. Она вдруг поняла, что они с ребенком спасены и черная полоса, скорей всего, закончилась. Осознание этого вдруг совсем лишило ее сил, и она села, где стояла.

– Помоги, – прохрипела она, на большее ее не хватило.

– Сейчас, сейчас, – заспешил паренек и кинулся поднимать Алексию.

– Возьми ребенка, – попросила та, – у меня одна рука не действует.

Когда мальчишка взял малыша, она с трудом поднялась,

и они двинулись в обратном направлении, впереди волк или собака, за ним мальчишка с ребенком, замыкала процессию Алексия.

Метров через триста они вышли на небольшую поляну, на которой находилось две землянки, большая и поменьше. У одной из них паслись три козы и стояла женщина лет сорока. Увидев процессию, она быстро пошла им навстречу и забрала у мальчишки ребенка.

– Сынок, давай беги за водой, а вы, госпожа, идите за мной, – и она направилась к большой землянке. В землянке был еще один человек, им оказалась симпатичная девушка, примерно ровесница Алексии. Она что-то шила и, увидев входящих, вскочила. В землянке было довольно просторно, даже была печь, и еще Алексия заметила, что была дверь в соседнюю землянку.

– Вики, освободи стол, – обратилась женщина к девушке. Когда та выполнила ее указания, она положила на стол ребенка и раскутала его. Малыш был весь мокрый и весь обкаканный.

– Ой, как мы усердно тут работали, – улыбаясь, проговорила женщина, вытирая малыша пеленками.

– Вики, а ну дай нам тепленькой водички.

Девушка подала женщине кувшин, стоящий на печи, та намочила тряпицу и стала протирать ею ребенка. Наконец с малышом закончили, вымыли и завернули в какую-то холстину. Малыш, словно поняв, что теперь можно потребовать

и поест, разразился воплем.

– Он голодный, – проговорила Алексия, отчаянно покраснев.

– А вы... – не договорив, женщина замолчала и удивленно взглянула на Алексию.

– Это не мой ребенок, на нас напали разбойники, карета перевернулась, когда мы от них убегали, его мама погибла. Мне удалось его схватить и бежать, а тут еще рука, и если бы мы не встретили вас, то, наверное, погибли бы.

– Вики, носи бутылочку, из которой козлят поили, и налей молочка утreshнего, оно теплое еще. Только разбавь водичкой, а то жирное очень.

– Вы не переживайте, – увидев сомнение в глазах Алексии, сказала хозяйка, – все чистое и тщательно ошпарено кипятком, и там специальный сосок, а иначе мы его не накормим.

Вики принесла небольшую бутылочку, на горлышко которой что-то было надето. И женщина сунула это приспособление в рот ребенку, тот, почувствовав вкус молока на своих губах, принялся жадно-жадно сосать. Когда он насытился, то сразу же заснул, и его переложили на топчан, застеленный шкурами.

– А теперь давайте-ка посмотрим, что у вас с рукой, – обратилась женщина к Алексии. – Меня можете звать Валия. Рукав мы по шву разрежем, а потом аккуратно зашьем, так что не переживайте, – говорила она, распарывая шов.

Рука представляла собой очень неприятное зрелище: синяя, местами прям до черноты, и сильно опухшая. Валия стала осторожно ее ощупывать. Наконец, она закончила осмотр.

– Ничего, госпожа, не бойтесь, все могло бы быть хуже. Посидите так, я сейчас приду.

И она вышла из землянки. Вернулась минут через десять, принеся с собой два куска толстой дубовой коры. Подогнав ножом кору по размеру руки, она наложила ее на предплечье Алексии и крепко забинтовала полосками кожи. Потом обмыла лицо девушки теплой водой и смазала место на лице, которым та ударилась, какой-то мазью.

– Ну вот и все, придется потерпеть какое-то время неудобство, но будем надеяться, что все заживет и будет как и прежде.

Потом Алексию хотели накормить, но есть она не хотела и попросилась немного полежать. Она прилегла рядом с ребенком и сразу же забылась тяжелым, тревожным сном. Во сне она стонала, вскрикивала и плакала.

* * *

Хан Юсуф появился, как и обещал, через сутки, с ним было порядка двух десятков конников и с десятков повозок, в которых ехало несколько старейшин, а также везли припасы на дорогу и подарки королю. Мои воины тоже были готовы выдвигаться, вчера я отправил пушки и большую часть

обоза, а также дружину и прибывших кентийцев. Возле себя оставил только пять десятков конников и пару повозок с продуктами.

Вчера уехал и Ларт, хоть очень ему не хотелось меня покидать, но я ему дал указания, что где и кого куда размещать. Ларт, пока был со мной, рассказал, что происходит в замке, как они размещали караван с трофейным золотом, куда что складывали, пересчитывали и как брали клятву со всех проживающих в замке, что нигде, никогда и никому они не расскажут о том, что видели.

Потом коснулся порядка в маркизате и на его дорогах, в общем, все более или менее нормально, даже я бы сказал – более. За время моего отсутствия вырубил одну залетную банду в полтора десятка человек и пресекли поборы купцов, когда с них стали брать пошлину за проезд по дорогам маркизата, которую я отменил еще год назад, и организовали это власти города королевского протектората.

Гюнтер даже ездил туда и, когда бургомистр не захотел понимать по-хорошему, пригрозил, что его светлость (то есть я) развесит все руководство города на стене и никто их не защитит, даже король. И для убедительности послал кентийцев, которые разогнали все заставы, выставленные близ города, хорошенько отпинав стражников и мытарей на них.

Строительство «Торгового дома» в столице перешло в стадию отделки, склады забиты продукцией, приготовленной для открытия представительства. Наши музыканты и

певцы тоже великолепно справляются со своими обязанностями. Правда, поначалу первый состав был недоволен, что у них появились конкуренты, но, когда узнали, что такой же ресторан, если не лучше, открывается в столице и составы будут меняться, даже обрадовались. В общем, все хорошо, даже как-то подозрительно:

Но больше всего меня занимал мой сын, хотелось быстрее его увидеть, и надо принимать решение, какую из двух женщин мне брать в жены. А еще я строил планы, планы, планы... надо выносить производство за стены замка и расширять его, строить городок с цехами, домами для рабочих и остальной инфраструктурой, а в замке оставить что-то типа исследовательского центра. Только вот где на все это найти мастеров, да и вообще работников? Вот такие мысли крутились у меня всю дорогу в голове.

Со степняками мы не смешивались, те двигались впереди, а мы – отстав от них на полкилометра, сзади. К королю я решил не заезжать, пошлю пару человек с двумя монокулярами в подарок и письменным докладом, и пока хватит. Если дела с «Торговым домом Зорга» обстоят так, как рассказал Ларт, то увижусь с ним через месяц на открытии, а пока у самого дел непечатый край.

Глава четвертая

Посреди большого кабинета императоров Альдонии стоял воин и докладывал о выполнении ранее полученного задания. Его слушали двое – самопровозглашенный император Эрлик I (правда, в последнее время он называл себя регентом) и герцог Тодор де Урбер. Выслушав докладчика, император поднялся со своего места и, как всегда, принялся бегать по кабинету, эмоционально размахивая руками.

– Баронет, – верещал он, – я дал вам все, что вы запросили: деньги, оружие, брони. Я дал вам воинов, вам оставалось найти несколько десятков наемников и, подгадав момент, совершить то, о чем договаривались. Почему вы этого не сделали?

В запале Эрлик переставал контролировать себя. Вот и сейчас он стал брызгать слюной, а на его губах появилась пена. Тодор де Урбер смотрел на это с брезгливостью.

«Зея-плодоносица, и это ничтожество провозгласило себя императором», – думал герцог Урбер. Но вслух он сказал совсем иное.

– Эрлик, успокойся, пусть он расскажет до конца, ты тогда определишься, что делать.

Так называемый император еще побегал по кабинету и, наконец, сел.

– Продолжай, – махнул он рукой.

– Мой господин, – продолжил доклад баронет, – я, как и договаривались, нанял тридцать наемников. Затем получил донесение от человека герцога Кантора, что Алексия едет к своей подруге маркизе Ильми де Перьен в баронство ее родителей, где та проживала в настоящее время. Но так как донесение было получено почти вечером того дня, когда Алексия выехала, мы просто-напросто не успели ее перехватить. Поэтому нам пришлось целую седмицу ждать ее возвращения. Когда принцесса возвращалась...

На этой фразе доклад снова был прерван.

– Не называй ее так, – стал снова заводиться Эрлик, на что герцог Тодор положил свою руку на его и попросил его еще раз успокоиться.

После небольшой заминки баронет продолжил:

– Мой господин, мы перехватили карету на полпути от замка до таверны «Подорожная». Часть людей связала боем охрану, часть бросилась в погоню за каретой, которая при первых звуках схватки стала удаляться и сразу прилично оторвалась. На повороте вдруг она опрокинулась и перевернулась на крышу. Алексия при этом выскочила из кареты, что-то прижимая к груди рукой, и кинулась в лес. В нее несколько раз выстрелили из арбалета, но не попали.

Кинулись за ней в лес, но странно, что следы были лишь в самом начале, а потом пропали. И как ее ни искали, так и не нашли. В карете мы обнаружили мертвую Ильми де Перьен и ее служанку, которую зарубили, чтобы не оставлять свиде-

телей. Все наемники были убиты, а также несколько человек из ваших людей. Ваших мы собрали и закопали, а наемников бросили там же, изобразив нападение разбойников.

– Баронет, а что могла нести, убегая, Алексия? – спросил Эрлик.

– Это был ребенок.

– Чей еще ребенок? – удивился недоимператор.

– Как мы выяснили потом, это ребенок Ильми де Перьен и Алекса тан эль Зорга.

– Кого, кого? – переспросил герцог Тодор де Урбер, вытаращив глаза и приподнимаясь с кресла.

Баронет повторил и замер.

– Можешь идти, пока я приму решение, – отпустил его Эрлик.

– Ну что ты думаешь по этому поводу? – обратился он к герцогу, когда баронет закрыл за собой дверь.

– Я думаю, что ты труп, – проговорил герцог, с интересом разглядывая Эрлика.

– Как? Что ты говоришь? – подскочил в кресле Эрлик.

Герцог налил себе в бокал вина и, неторопливо прихлебывая его, принялся объяснять:

– Ты убил женщину, которая родила ребенка Алексу тан эль Зоргу, первенца. Ты подвергал опасности самого ребенка. Ты вообще слышал что-нибудь о нем? Ты знаешь, какой бум он создал своими производствами и выпускаемыми товарами? Ты вообще соображаешь, что делаешь?

– Пока у него не будет прямых доказательств, он мне ничего не сделает и не посмеет напасть. Иначе королевства его объявят агрессором и обязаны будут помогать мне, – и Эрлик победно посмотрел на герцога.

– Эрлик, Эрлик, как ты не понимаешь, это король не может бездоказательно напасть, но по тому же соглашению, любое частное лицо, которому ты нанес обиду, имеет право объявить твоему домену войну. И защищаться ты можешь только своим доменом. А как ты думаешь, даст ли отец одному из своих сыновей возможность нанять наемников среди его солдат? А ты знаешь о дружеских отношениях короля Торвала и Алекса тан эль Зорга. И наконец, герцог Кантор ведь тоже может объявить тебе войну или просто дать своих солдат Алексу.

– Я тоже могу нанять наемников, у меня достаточно золота, – огрызнулся узурпатор.

– Отребье, которое, превосходя противника вдвое, все полегло? Думаешь, они выстоят против воинов, я уже не говорю о кентийцах! Ладно, пойду я, это вам, императорам, можно проводить жизнь праздно, а у меня дел гора, – с издевкой проговорил, вставая из кресла, герцог.

– Так ты все-таки отказываешься участвовать со мной и моим тестем в набеге на Торвал?

– Я еще не сошел с ума, – устало проговорил Тодор де Урбер и направился к двери.

«Эта радужная пыльца, которую он нюхает, совсем отсут-

шила ему все мозги», – думал он про Эрлика, садясь в карету. Когда она запрыгала по брусчатке, герцог подумал, что надо бы послать доверенного человека и заказать карету у Алекса тан эль Зорга, говорят, в ней совсем не чувствуются неровности дорог.

* * *

Через пару дней, когда мы подъехали к развилке, я двинулся в маркизат, а в столицу отправился барон Ибер эль Варт, увозя с собой два монокуляра для каждого из братьев с инструкцией, как пользоваться, и моим письменным докладом о том, что происходило на границе. Барону тоже дал инструкции, как себя вести, как доложить и что сразу же по приезде в канцелярии заявить о срочном донесении от графа Зорга. Ему надо обогнать степняков, обоз которых движется медленно, и предупредить короля о посольстве рода Доршон.

Почему послал командира присланных конников? Да просто надо выводить в свет кентийцев, ведь нас всех считают варварами, несмотря на то что всех детей в Кентии учат грамоте, любой, даже самый бедный кентиец может читать и писать и знает все три языка, существующих на этом континенте. Да, кентийцы – закрытое общество, но не потому, что мы нелюдимы, а потому, что после войны нас сильно боятся, и вот эта боязнь и выплескивается в презрение и ненависть.

Ну, а чтобы показать свою значимость, в отличие от нас, и стали звать кентийцев варварами, распространяя всякие небылицы. Кентийцы честны даже в мелочах... «Ну, так варвары же...» Кентийцы прекрасные воины... «Ну так они злобные, кровожадные варвары...» Среди кентийцев нет предателей... «Ну, а чего вы хотите от идиотов, не понимающих что своя жизнь дороже тысячи чужих». И так обо всем! Пытаться что-то объяснить, доказать бесполезно, поэтому и не рвутся в королевства кентийцы.

Последнее время они, правда, нанимаются служить в охрану к королям и становятся учителями фехтования, а ведь в большинстве королевств народ малообразованный и дикий, что говорить, если даже некоторые дворяне не умеют писать и читать. Таких, конечно, очень мало, но ведь есть. Вот я и решил немного подкорректировать отношение и статус кентийцев. В каждой моей книге на титульном листе стоит надпись «Кентийские истории. Предания старины глубокой». На некоторые товары стали ставить штамп «Кентийские технологии». Смотришь, не сразу, а постепенно мы еще покажем, кто тут варвар, а кто прогрессор.

Наконец вдали показался мой замок... Еще какой-то час, и я въезжал в ворота. Во дворе собрался комитет по встрече... Ларт, Гюнтер, управляющий Ульх, сзади них маячил весь народ, проживающий в замке.

«А немало народа сейчас в замке, – мелькнула у меня мысль. – Нет, надо убирать отсюда производства».

Поприветствовав собравшийся народ, я спрыгнул с коня и передал повод подскочившему пареньку, помощнику ко-нюха.

– Ульх, что там у нас с баней?

– Все готово, ваша светлость, с утра топим.

– Ну и отлично, сейчас я чуть разомнусь и пойду мыться, а вот все отчеты завтра, – осадил я Гюнтера, кинувшегося мне докладывать о том, как он тут чистил маркизат.

– Все завтра, дружище, устал я, сегодня паримся и празднуем. Ульх, выкати людям пару бочонков вина, ну и заесть чего-нибудь.

Народ радостно зашумел, приветствуя мои слова.

– Только смотрите, чтобы не допьяна, – предупредил я. Кто-то из кухарок поднес мне холодного вишневого взвара, приправленного медом. Я с удовольствием все выпил и поблагодарил, возвращая посуду, – увидел удивление на лице женщины, подавшей напиток. Ну не принято здесь так, я сеньор, хозяин, и подать мне напиток с дороги – это их обязанность, а тут слова благодарности.

Примерно через час я отправился в баню, прихватив Ларта и Гюнтера. Ох, и славно же я попарился, хоть нормально помылся за последние два месяца. Тело было чистым и легким.

Потом был пир... Я пригласил на него всех своих командиров, отличившихся дружинников и воинов-кентийцев, в большую столовую набилось человек тридцать. Народ пил,

закусывал, произносил тосты, а я сидел и размышлял.

Ну вот выдам я отличившимся воинам по золотому или по два... деньги, конечно, очень большие. Но они их потратят, и об их геройстве, кроме слов, ничто не будет напоминать; надо завтра дать задание Ларту изготовить памятный бронзовый знак с надписью на красивой ленте и с удостоверением к знаку. А потом я обратил внимание на то, что совсем не чувствую усталости, вот что значит молодое тело. Еще пару часов назад я чувствовал, что замучен дорогой, пылью и жарой, а вот немного отдохнул, и снова готов в седло и сутками скакать.

Посидев за столом пару часов для приличия, я поднялся и, попросив остальных продолжать пировать, удалился, сославшись на дела.

Утро для меня началось, как и всегда, с восходом солнца. Сунув ноги в сапоги и умыв лицо, я пошел на разминку. Затягивать ее не стал. Разогрев тело, проработал несколько приемов с мечом и кинжалом, побежал под душ. Потом сел и набросал два эскиза памятного знака: один за осаду замка Жирондо и второй за бои на границе. Один в форме медали, круглый и на красивой ленте и колодке, второй в виде треугольного щита. И печатникам набросал удостоверение под памятные знаки.

Только успел это сделать, как потянулись посетители, Ларт, Гюнтер, Ульх. Первым отчитывался Ульх, он рассказывал, сколько принял золота с обоза, сколько монет, слитков,

сколько драгоценностей, куда разместил, затем – сколько добыто золота и сколько монет отчеканено, какие товары и материалы на складах и в каком количестве. После чего передал мне список, где все это было указано.

Ларт доложил о том, какие работы ведутся и что изготавливается в данный момент. Оказывается, уже собраны все монокуляры, отливаются новые линзы, изготовлена одна карета дилижанса; производство пока остановили – может, будут какие-либо замечания с моей стороны. Ну и так же в производстве зеркал, стекла, хрусталя... Гюнтер рассказал о порядке на дорогах и в моем городе, а также об эпопее с пошлиной за проезд по дорогам.

– Ну что же. Молодцы! – сказал я, вставая из кресла. – Сейчас пройдуся, все посмотрю, скорректируем с вами планы по всем работам, и примерно через недельку мне надо будет отъехать. Так что привыкайте работать самостоятельно. В дальнейшем я вообще думаю перебраться в столицу. Да, и давайте – собирайте караван в Кентию. Что там с обучаемыми?

– Обучение мастера закончили, уже работают самостоятельно, – ответил Ларт.

– Вот и отправляем их обратно, а вот учеников, которые прибыли с ними, оставляем у нас, они должны отработать пять лет. В караван собираем немного хрусталя, десятков монокуляров, столько же калейдоскопов, сотню мечей и столько же наконечников для копий.

И началась у меня трудовая неделя, каждый час кто-то интересовался, правильно ли он выполняет то или иное задание, везде была нужна моя консультация, везде я должен был присутствовать. Только коты ко мне не приставали, они где-то постоянно пропадали, иногда не появляясь в замке сутками. Пролетела эта неделя незаметно.

Я отправил небольшой караван в Кентию, а вот со своим отъездом пришлось повременить. Слишком много было дел, которые почему-то требовали моего присутствия. За это время я присмотрел место для строительства промзоны и набросал план расположения цехов и городка для рабочих и мастеров. Все задумал строить с размахом – и цеха с большими остекленными окнами, и городок с определенной инфраструктурой. Для этого сразу решили строить кирпичный заводик с печью для обжига, а уже потом из этого кирпича возводить все остальные строения. На все строительство отвели три года. Денег хватало, и я мог нанимать любое количество рабочих рук. Главное, чтобы хватало материала и на строительство, и на торговлю.

Решил отложить поездку еще на неделю, тут еще прибыл курьер от короля с просьбой продать с десятков монокуляров. Десятка у меня не было, но штук пять я ему мог бы выделить, что я и сказал курьеру. И предложил ему подождать несколько дней, пока изготовят для них футляры. Кроме того, заканчивали собирать третью паровую машину, а так как она была самая мощная, я решил задержаться на испытания.

А еще я хотел лично произвести награждения отличившихся воинов в нашем военном походе.

Награждение провели торжественно перед построением всех воинских сил, которые я имел, а было их немало. В общей сложности более тысячи, если точнее – то тысяча семьдесят человек... Это было много, поэтому я и думал избавиться от части и демобилизовать тех, кто поступил на службу с рудников и после осады крепости герцога Жирондо.

Выстроив всех на поле рядом с замком, я под барабанный бой вызывал по списку отличившегося и вручал ему знак в небольшой коробочке, обтянутой красным шелком, и удостоверение с указанием имени награжденного и за что именно. Тут же его отводили в сторону, и Гюнтер прикалывал ему знак на одежду, а Ульх вручал небольшой мешочек с десятью серебряными монетами. Наградил я почти двести пятьдесят человек, своих наградил всех, даже тех, кто оставался охранять замок и рыскал по дорогам, вылавливая разбойников. Для них сделали знак «За охрану закона и порядка». Народ высыпал из замка и глазел на все это, затаив дыхание, а когда очередной награждаемый получал знак, хлопали в ладоши и приветствовали его. Представьте себе мальчишку лет семнадцати, который оставался в замке и, по сути, только учился держать меч и копьё, а теперь получает знак и денежную премию. Правда, премия была намного меньше, чем у тех, кто был в походе и участвовал в боях, всего лишь три серебряные монеты. Главное, как горели глаза и у ветеранов, и у

молодежи, получивших награду. Даже мои кентийцы, хоть и пытались остаться невозмутимыми, но это им плохо удавалось, и они радостно улыбались. Потом на поле выкатили несколько бочонков вина, а мои музыканты устроили первый в этом мире концерт.

Глава пятая

Алексия жила у Валии и у ее детей уже два месяца. Малыш рос, агукал и уже смеялся в голос, не понимая, что жизнь его круто изменилась: он лишился матери и Алексия не знает, как сообщить Алексу, что его сын в беде и она тоже. Хоть лубки уже давно сняли, но рука слушалась плохо, локоть и пальцы на ней почти не гнулись. Она прекрасно понимала, что прошлые нападения и нынешнее – это звенья одной цепи, очень уж дяде хочется ее убить. Не будет ее, и некому будет предъявить права на трон империи. И сделать это он хочет до ее совершеннолетия, прекрасно понимая, что, по достижении его, ее усадят на трон союз королевств Сармии, Торвала и Кентии.

Но она уже не хотела никакого трона, да она и раньше была к нему равнодушна. Когда не стало отца и ей сообщили, что произошел переворот, она просто не поняла всего, не поняла, на краю какой пропасти оказалась. И только когда ее сопровождал Алекс, увидев кровь, смерть людей и поняв, что это охота на нее лично, а еще представив себя умирающей с раной от меча, она пришла в ужас.

«Ну уж нет, не нужен мне никакой трон, забирайте его себе, а меня оставьте в покое, – думала она. – Согласна, – уточнила она чуть погодя, – только если рядом будет Алекс».

А сейчас ей было очень плохо, все рухнуло... Она калека

с одной рукой.

«Зачем я ему, – думала она, – я и здоровая-то не сильно его привлекала, а теперь и подавно не нужна. Да и как ему сообщить, где мы с малышом находимся?»

Еще ей не давало покоя осознание того, что все случилось по ее вине. Вот не поехала бы Ильми и, смотришь, была бы жива, а у ребенка была бы мама... «А что же было бы со мной?» – и она от этой мысли покрывалась холодным потом.

Она не сказала Валии, кто она на самом деле, притворилась служанкой знатной дамы. Однажды в разговоре она спросила Валию, почему они здесь живут. Та горько усмехнулась и ответила, что больше им просто негде жить, а потом поведала грустную историю.

Муж ее был рыбаком, и жили они у Итиль-озера. Дела шли неплохо, и он со своим стареньким отцом всегда приходили с хорошим уловом. Валия занималась огородом да изредка помогала продавать улов. Родила она двоих детей, Вики и Дарио, и все бы хорошо, да задумал муж построить новый баркас. Решил он, что будет тот и размерами поболее, и что наймет он пару работников, да поставит парус, чтобы можно было ходить дальше и ловить много рыбы. Задумать-то задумал, да вот денег не хватило, и занял он их у соседа – купца. Хоть Валия и просила не делать этого, а лучше еще год погодить и собрать нужную сумму, всё-таки решил муж по-своему: деньги занял и купил новый большой баркас. И вроде бы все шло хорошо, начали отдавать долг купцу, а

последнюю выплату муж отдавал, когда тот собирался ехать за товаром, можно сказать, в дверях купца застал. Ну что же, решил муж, возвратишься, тогда я отдам последние деньги, а ты мне расписку вернешь.

Но купец начал уговаривать, мол, мы же соседи, какое недоверие может быть, приеду и верну расписку, а мне бы сейчас деньги лишними не были. И уговорил все-таки, отдал муж деньги, и уехал купец, а муж также и продолжал рыбачить, да только однажды попал он в бурю и не вернулся домой... Пропал и баркас, и он, и работники.

Плачь не плачь, а слезами горю не поможешь, пошла она работать горничной к состоятельным господам. Тяжело одной тащить хозяйство. Была у них старенькая лошаденка, вот отец мужа на ней подрабатывал немного извозом, да она работала в прислугах, вот как-то и выживали. За делами и хлопотами она и не знала, когда вернулся купец, пока однажды не пришли стражники и не потащили ее на суд, а там предъявил судья расписку и поинтересовался, почему не отдают долг уважаемому человеку.

– Как не отдаем, да мы все до копейки вернули, – возмутилась Валя и стала рассказывать, как все было. Да, видимо, все уже заранее было решено. И присудили им вернуть долг в течение месяца да еще судебные издержки заплатить. Тогда она в надежде на справедливость обратилась к барону тех земель, тот внимательно ее выслушал, но почему-то дал указание разобраться на месте. Вот и разобрались, ее обви-

нили во лжи на суд и приговорили к десяти ударам плетью, а также изъятию дома в счет погашения долга и судебных издержек.

Бил ее палач, правда, не сильно, так, стегал понемножку, только последний удар нанес со всей силы, от этого удара она и сознание потеряла. Даже отлежаться не дали после экзекуции, пришли на следующий день стражники и начали их вещи на улицу выбрасывать. Погрузили они со свекром, что влезло, на телегу, посадили детей, да и отправились куда глаза глядят, понимая, что здесь им жизни не дадут. Да и уйти смогли недалеко, через седмицу околела лошадь, а тут и осень на носу. Затолкали они кое-как телегу с пожитками в лес, нашли вот эту полянку и решили остаться здесь.

Выкопали землянку, вначале небольшую, сейчас в ней козы живут, а на следующий год построили уже эту, даже пару оконцев сладили, чтобы не совсем в темноте сидеть. В первую зиму в силоч коза попалась, да она еще котной оказалась. Не стали ее убивать, притащили в землянку, и стала она с ними жить, а под весну принесла сразу три козочки. Сама потом все-таки сбежала в лес, а может, волки задрали, но ушла и больше не появлялась.

Пока свекр был жив, немного полегче было, хоть и старенький он был, но все же мужчина, а сейчас Дарио – главный мужчина в семье.

Валяя улыбнулась и потрепала сыну вихры.

Да еще тем же летом нашел Дарио волчью нору, а там один

волчонок еле живой. Приташил, и сам его выхаживал.

Вот такое хозяйство получилось.

Валия замолчала, и ее глаза заблестели от слез, которые, правда, так и не пролились.

После того разговора прошло много дней, и однажды Алексия все-таки решила что-то предпринять. Вечером, когда свет еще пробивался сквозь оконца, а все сидели у стола после ужина, она начала говорить Валии, что так жить нельзя, что надо что-то делать.

– А что можно сделать? – спросила та и усмехнулась. – Вот дорога недалеко, куда ты уйдешь и кому ты нужна, кто тебе поможет?

– Я знаю, кто нам поможет, – отвечала Алексия, – могу даже дать гарантии, что вы будете обласканы и все, что с вами было до этого, покажется вам страшным сном. Вот только как ему сообщить о нас?

И она рассказала им об Алексе, об Ильми и о том, чье-го ребенка они сейчас выхаживают, утаив только, кто она на самом деле. Потом она рассказала, кто такой Алекс, как они путешествовали, как он сражался с разбойниками и степняками, а потом какие он стал делать вещи, какие истории рассказывал ей. Потом она разрыдалась и, плача, стучала по столу кулачком.

– Ну почему, ну почему так все?..

Все сидели молча, наверное, каждый думал о своем, а мо-

жет, об одном и том же.

– Мам, – нарушил тишину Дарио, – давай я схожу быстро, а потом с его дружинниками и вернусь, если он захочет помочь.

– Хм-м, схожу, да туда идти три седмицы надо, – проговорила Вики.

– Да хоть месяц, – запальчиво ответил ей Дарио. – Вон тебе замуж уже надо, а за кого тут выходить?

Валио на это засмеялась и прижала сына к себе.

– Вот посмотрите, какая у нас сваха заботливая выросла, тяжело будет идти, сынок. Дойдешь ли? – и она снова задумалась. Потом, помолчав, продолжила:

– Да, видно, делать-то и нечего, придется тебе идти. Ладно, завтра начнем тебя собирать, одежду подремонтируем да припасов соберем в дорогу.

Конечно, рассказывая о том, кто им может помочь, Алексия хитрила, дед-то жил всего в трех днях пути, но ей нужен был Алекс. Пусть решает, нужна она ему такая или нет, а если не нужна, то рубить уже с плеча раз и навсегда.

Она, правда, не решила, что будет делать в случае отказа, но сидеть, ждать и трусить – это выше ее сил. Через два дня они провожали всем поселением Дарио, вывели на дорогу, обняли по очереди, Алексия еще раз напомнила, что ему надо говорить Алексу. Валия сунула в руку последние пять медяков, и потом они долго смотрели ему вслед, пока его маленькая фигурка не скрылась из виду.

Глава шестая

Работы становилось все больше. Поездка моя откладывалась и откладывалась, ну еще день, ну от силы два – и еду. Но проходил день, а затем два – появлялась новая проблема, которую надо решать, так и тянулось, пока не пришло время открывать «Торговый дом Кентия». Я решил его так назвать. Под одной крышей с ним разместились ресторан и театр. Я уже находился в столице, разместившись в своем доме в небольшой комнатке, так как в остальных шел ремонт и перестройка. Остальных своих людей – музыкантов, артистов, торговых клерков, а также всю свою свиту – разместил в доме для служащих и в гостинице, которые находились в саду за торговым домом.

Дальше тянуть нельзя, решил я для себя, сразу после открытия еду знакомиться со своим сыном.

А сейчас вызвал всех своих доверенных лиц, чтобы определить порядок действий.

– Итак, друзья, – начал я, когда все собрались, – завтра и послезавтра у нас напряженные дни, никак нельзя ударить в грязь лицом, столица – это не наше захолустье. Поэтому порядок такой: после десятой склянки открывается непосредственно торговый и выставочные залы.

– Кстати, ден Сибор, – обратился я к распорядителю торгового зала, – вы отложили дорогие наборы косметики, как

я просил?

– Да, ваша светлость, – ответил мне ден Сибор, кланяясь.

Понимая, что многие аристократы будут стараться обратиться ко мне напрямую, так как в первые дни в основном будут ходить, чтобы поглазеть, соответственно народу будет много и просто что-то приобрести в розницу будет сложно. Вот и будем приторговывать из-под полы, как в советские времена, – приходит такой весь из себя слуга аристократа и говорит: «Я от Иван Семеныча, мне надо то-то и то то». И не надо смеяться, и пароль «Иван Семеныч», и все остальное будет, ну имею я право пошутить.

– Вечером открытие театра и представление, ден Тодор, вы справитесь?

– Да, ваша светлость.

– Ну смотри мне, будет король, и если что... – я не договорил и показал кулак деду. – Ну и на следующий день у нас открытие ресторана, снова будет король в отдельном кабинете. Дена Женар, не подведите с блюдами, а то я с поваров три шкуры сдеру.

– Не беспокойтесь, ваша светлость, повара у нас опытные, и все новые блюда кентийской кухни мы изучили и уже не раз готовили.

– Тогда уповаем на Зею-плодоносицу, и вперед.

Ну как же, кентийская кухня! Благодаря изготовленной втихаря мясорубке, которую я держал в секрете, я выдал поварам рецепт голубцов, пельменей и котлет, ну и конечно

шашлык. Нет, ну тут тоже что-то такое готовили, но в то-то и дело, что именно что-то. Ну и салаты, тут уж при помощи майонеза делали и мясной, и «любовницу», который называл «кентийский любовник». И наконец, мои напитки, которые пробовало ограниченное количество народа, и те только приближенные короля. Конечно, я тоже волновался, но больше всего за театр, понравится ли пьеса аристократам и дворянам, да и как артисты справятся, хотя на последних просмотрах все было отлично.

На открытие торгового дома я не поехал, что мне там делать... Есть распорядитель, пусть занимается, мое дело театр – там я произнесу речь, ничего особенного, типа «строили, строили, и наконец построили». А потом на балкон к королю в ложу, и буду внимательно наблюдать за реакцией зала и короля, с братом в том числе. Среди дня проехал так мимо торгового центра, посмотрел: как и предполагал, зевак море, ну пусть толкутся, через некоторое время успокоятся, и будет нормальная работа. В театр и ресторан только по пригласительным билетам, первый у меня на триста мест, второй на сто восемьдесят.

Вечер в театре... это был полнейший успех. Вначале я произнес небольшую речь, мол, я хочу показать вам искусство, которое существовало в Кентии задолго до Большой войны. Все пришлось восстанавливать по рукописям и преданиям. Поэтому прошу зрителей не судить строго. Потом открылся занавес, и действие началось, спектакль сопровож-

дался музыкой. Красочные декорации, богатые костюмы и игра артистов произвели на зрителей неизгладимое впечатление. Видел, какие эмоции отражаются на лице короля и Арна. Когда спектакль закончился и артисты вышли, чтобы поклониться, весь зал встал и принялся им аплодировать, потом зрители развернулись, и немного аплодисментов досталось и мне, пришлось встать и поклониться. Было объявлено, что спектакли театр будет давать три раза в седмицу, а также сообщили цены на билеты и где их можно приобрести.

Ресторан под названием «Кентийский гурман» выглядел великолепно, зеркала в фойе, колонны в обрамлении зеркал, огромные окна, полы, покрытые лаком в несколько слоев. На столах стояли хрустальные фужеры для напитков, а также приборы из нержавеющей стали, которые мы стали делать недавно и тоже хранили в секрете.

Первым в ресторан вошли король и его брат. Если король уже видел многое из изделий и был сдержан, должность, так сказать, обязывает, то Арн напоминал восторженного щенка. Что вчера в театре, что сегодня он нисколько не скрывал своего восхищения и удивления. Я проводил их в кабинет на втором этаже, у нас в ресторане присутствовал так называемый второй свет, что тоже было необычно. После того как аристократы и дворяне заполнили зал, на сцену вышла Жена-нар Оборо, управляющая рестораном. В королевствах женщины работали, но нигде они не занимали руководящих постов. Я проработал все детали и в торговом представитель-

стве, и в театре, и здесь в ресторане, надо было удивить, а иногда даже вызвать шок, чтобы поломать стереотипы в отношении кентийцев.

Дена Женар, поднявшись на подиум, который возвели для музыкантов, произнесла несколько приветственных слов. И указала, что на столах лежит меню, по которому можно заказать то или иное блюдо или напиток. Все это приготовлено по старинным кентийским рецептам. Обслуживают столы вот эти девушки и юноши – указала она на группу ребят в униформе, к которым следует обращаться по поводу заказов, а также по другим вопросам.

Поднялся занавес на подиуме, открыв для посетителей находящихся на нем музыкантов, заиграла тихая музыка, и процесс пошел. Через некоторое время, когда все заказы были выполнены и народ дружно накиннулся на дегустацию блюд и напитков, музыка зазвучала громче, и на сцену вышли певцы.

Каждый уважающий себя аристократ, устраивая банкеты, держал или нанимал певцов и музыкантов, так что, казалось, удивить их нельзя. Как бы не так, нигде и никто не исполнял таких песен и музыки с таким ритмом и звучанием. Поэтому народ побросал ложки и вилки и принялся слушать, периодически прикладываясь к горячительным напиткам.

– Да, брат, можешь ты удивить, – проговорил король. – И ведь на каждой нашей встрече ты преподносишь что-то новое, вот скажи мне, когда твои выдумки иссякнут?

– Не знаю, ваше величество, – ответил я ему, улыбаясь, – наверное, никогда, разве это плохо – удивлять окружающих и делать что-то новое, чего не было прежде?

– Алекс, брат, не обижай меня «своим величеством».

– Данис, ты посмотри, сколько здесь чужих ушей, ну зачем многим из присутствующих знать о наших отношениях.

– Хм-м, ну, может, ты и прав, – задумался Данис, – послушай, я хочу, чтобы твои музыканты играли на моей свадьбе, буду удивлять Брана Сармийского, – перевел разговор Данис на другую тему. – И можно будет прислать своих поваров, чтобы они подучились в приготовлении некоторых блюд?

– Можно было бы и не спрашивать, конечно, присылай. Я завтра уеду, надо мне, в конце концов, навестить Ильми и увидеть своего сына.

– Ну и как ты думаешь поступить с Ильми и Алексией?

– Если честно, то не знаю, вот съезжу, а там видно будет.

Мы сидели и неспешно разговаривали, я рассказывал им анекдоты, адаптированные к их реалиям. Вечер начал заканчиваться, первыми уехали король с братом, я еще немного покрутился, зашел к управляющей, на кухню, после чего отбыл к себе домой, чтобы рано утром отправиться в замок.

Глава седьмая

По приезде в замок я тут же озадачил Ульха и Ларта отбором подарков для Ильми, ее родителей и своего сына, а также попросил выделить мне с десятков дружинников для сопровождения, меньше не позволял статус. Все эти приготовления заняли сутки, и завтра я наконец выеду.

Вечером, когда я составлял план работ для Ларта, постукавшись в кабинет, вошел Гюнтер и доложил, что в домике дежурной стражи у ворот меня ожидает необычный посетитель, который требует только графа Алекса тан эль Зорга, для которого у него есть очень важное сообщение.

– Так ведите его сюда, – проговорил я.

– Ваша светлость, его придется нести, он, видите ли, свалился почти перед самыми воротами, и страже пришлось занести его к себе, настолько он был уставший.

Я, немного удивленный и заинтригованный, встал и проследовал за Гюнтером. Войдя в помещение стражи, я увидел мальчишку лет двенадцати-тринадцати, очень изможденно-го, в обтрепанной одежде и совершенно разбитых башмаках.

– Это ты хотел видеть графа эль Зорга? – спросил я. – И зачем он тебе нужен?

Мальчишка посмотрел на меня.

– Это я скажу только ему, – проговорил он, глядя на меня исподлобья.

– Ну так я и есть граф Зорга, – заулыбался я.

Паренек оценивающе оглядел меня и, видно, остался удовлетворен осмотром.

– Я могу сказать только вам наедине, – поставил он условие.

– Выйдите все, – приказал я находившимся тут стражникам и Гюнтеру. – Давай говори, – когда все вышли, потребовал я у мальчишки.

– У вас просит помощи Алексия Кобург, она сказала, что вы знаете ее, и еще она сказала... – Он задумался, вспоминая, – Ромео и Джульетта, – наконец выдал он. – Вы должны знать, что это.

– Что, что с ней? – кинулся я к мальчишке.

Он даже отшатнулся в испуге. Но я уже взял себя в руки.

– Гюнтер, – позвал я и, когда тот появился, распорядился, чтобы пацана накормили жидким, только немного, а то живот расстроится, потом отмыли, переодели – и ко мне в кабинет. – Если не сможет идти, носить. Пока распоряджайся, потом с Лартом зайдете.

Сердце мое сжалось от предчувствия беды, но я старался держать себя в руках. Пусть мальчишка немного придет в себя, потом расспрошу его подробно. Примерно через час с лишним привели мальчишку, уже умытого и в какой-то хламиде. Гюнтер, приведший его, развел руками, сказал, что ничего по размеру не подобрали, но его обмерили и обещали к утру пошить все, что нужно.

– Хорошо, Гюнтер, оставь нас одних, – попросил я, и тот, поклонившись, вышел.

– Ну что, давай рассказывай.

И паренек принялся рассказывать, как и почему к ним попала Алексия, как живет у них, потом о том, как приняли решение идти ко мне и просить помощи. И от его рассказа мои кулаки непроизвольно сжимались все сильнее и сильнее.

– Сколько же ты шел? – спросил я его.

– Завтра будет две седмицы, – ответил мальчишка.

Я видел, что он просто на ходу засыпает, поэтому позвал Стена и приказал ему расположить пацана в гостевых комнатах и приставить к нему служанку, ну мало ли что пареньку потребуется, замок – это же не лес, где тебе под каждым кустом туалет. Мальчишку отправили спать, а я метался по кабинету как загнанный зверь и никак не мог успокоиться.

Понятно, почему мальчик обращался от ее имени, упомянув ее как служанку маркизы Ильми де Перьен... Она просто боится, но почему она тогда упомянула свое родовое имя, ведь династия Кобургов общеизвестна! Ну да это не главное, а вот что их ждали и знали, когда они поедут, это заставляет задуматься. И ребенок... это же мой сын, и он мог погибнуть, я зарычал от переполнявших меня чувств. И я знаю, кто виновник гибели матери моего ребенка, и даю слово, что непременно отомщу. Я внезапно успокоился, лишь одно мне не давало покоя: надо как можно скорей выезжать, нельзя допустить еще какого-нибудь происшествия с близкими мне

людьми.

В дверь постучали, и в кабинет вошли Ларт и Гюнтер, они потоптались у двери, видя, в каком я состоянии, и не решаюсь присесть без моего разрешения.

– Садитесь, чего стоите, – указал я им на стулья, – значит, так, я завтра уезжаю, рано выехать не получится, выеду по готовности. Ты, Гюнтер, сейчас готовишь сотню кентийцев, сотника и тридцать человек наших старых и семьдесят недавно прибывших. Барон Варт сам отберет и назначит им командира. Ты, Ларт, подготовь провизии дней на пятнадцать. Конечно, мы будем останавливаться на постоянных дворах, но часть дружины все равно будет питаться самостоятельно. Какой постоянный двор выдержит такую ораву народа! Запрягаешь в дилижанс четверку, сажаешь туда нашего лекаря и какую-нибудь молодую, но расторопную служанку. Кто из женщин у нас имеет грудных детей? Доставь кого-нибудь сегодня ко мне. Парня одеть, обуть, полмесяца он к нам добирался, молодец мальчишка. Да пусть зайдет ко мне старшая швея, а теперь вам для информации, – я немного помолчал. – На карету, в которой следовали маркиза Ильми и принцесса Алексия, было совершено нападение. Маркиза погибла, Алексии удалось бежать, при этом она спасла моего сына, а сейчас она прячется у хороших людей. Да, Гюнтер, пусть ко мне зайдут Сайм и Март, а теперь все, занимайтесь делами... И еще... никому ни слова, пока я не вернусь.

Гюнтер и Ларт вышли, а я уселся за стол и задумался, не

упустил ли я чего, вроде бы нет, если что понадобится, купим по дороге. Тут в кабинет заглянул Стен и доложил, что пришли Март и Сайм, он их все еще называл разбойниками.

– Давай их сюда, – распорядился я.

Обрисовав им ситуацию, приказал готовиться к походу, поедут они отдельно от каравана и одвуконь, бросил им кошель с деньгами. Снаряжаться велел максимально. И от замка родителей маркизы до замка герцога прошерстить все, найти следы: где напали на карету, кто напал и так далее. Сказал, что ни в чем их не ограничиваю. Выезжают завтра рано утром.

Потом Ларт привел ко мне молоденькую маму, звали которую Ивица, я поговорил с ней, не сильно вдаваясь в детали, и остался доволен: хоть это были первые ее роды, но молока у нее было много, и она легко согласилась кормить еще одного малыша, и готова завтра выехать.

Старшей швее приказал подготовить из мягкого полотна несколько десятков пеленок к завтрашнему дню. Ну вроде бы все, распоряжения отданы, кормилицу нашел, плохо одно, что движение будет не очень быстрое и тащиться придется дней пять. Конь не машина, на которую сел, и через несколько часов ты на месте.

Утром все бегали как наскипидаренные, пришлось еще брать и карету помимо дилижанса, все-таки с нами будет ехать принцесса. Все кентийцы, которые отправлялись со мной, получили мечи нашей ковки; у тех, кого оставил мне

отец, они уже были, выдал тем, кто пришел с бароном Вартом. Я еще на границе заметил, с какой завистью прибывшие смотрели на обладателей таких мечей, пусть теперь и они порадуются. Правда, мечи стандартные, а не под каждого, но тем не менее они были с прекрасным балансом; думаю, немного поработают с ними и привыкнут. Больше всего провозились с одеждой мальчишке, даже не с одеждой, а с обувью. Все, в чем он был, просто выбросили, так как ремонтировать там было нечего. Швеи, молодцы, пошили ему и рубашку, и штаны, и даже вошедший с моей подачи у нас в моду жилет со множеством карманов. А вот с обувью проблема, ну никто не шьет сапоги или ботинки за один день. Поэтому сделали ему сандалии с закрытыми носками, ну а сапоги к моему возвращению будут готовы. Наконец начали грузиться, тут же крутились и тарги, давая понять, что без них дело не обойдется и они, конечно, отправляются с нами. Народ от них шарахался, и они, словно понимая это, и чтобы не мешать сборам, уселись возле оседланного Ветерка и ждали, когда же наконец отправимся.

Мальчишку посадили в карету, в дилижанс сложили припасы в дорогу и кое-какое снаряжение, а также в нем ехала кормилица со своим младенцем и служанка с ворохом пеленок. Еще старшая швея утром принесла и уложила в карету большой сверток, сказала, что это Алексии.

И снова дорога, снова жара, пыль и огромное желание до-

браться до места как можно быстрее. Ночевать пришлось рядом со вторым городом моего маркизата Мистоном, имеющим королевское подчинение. Я в нем никогда не был, да и, честно говоря, не интересен он мне. Магистратура этого Мистона, когда начались заварушки на территории королевства, пыталась установить пошлины за проезд по дорогам маркизата. Вот его бургомистра и строил в свое время Гюнтер.

Солнце еще не село, когда мы расположились на ночлег, разожгли костры; аппетитно запахло готовящейся кашей. Мне установили палатку, и я, с удовольствием поужинав, уже собирался отойти ко сну, когда вдруг услышал громкие голоса в лагере. Через некоторое время дежурный сержант доложил, что прибыли представители магистратуры города.

– Ну давайте их сюда, – распорядился я, удивляясь, чего им, собственно, надо.

В палатку вошел довольно-таки высокий, по меркам королевства, мужчина в расшитом камзоле, за ним – два его сопровождающих стражника.

– Кто ты такой и что тебе здесь надо? – заявил он, как только вошел в *мою* палатку.

Я даже растерялся на какое-то мгновение от его наглости, так себя вести могут только аристократы или идиоты. Среди сотни вооруженных людей так неуважительно разговаривать с командиром этих людей... Мало того, каждый из моих воинов на голову выше любого человека королевства и

имеет ярко выраженные черты кентийцев. Наверное, у этого вельможи какая-то нелюбовь непосредственно к кентийцам, а может, просто он недалекий хам, на что я ему и попытался указать.

– Вас не учили вежливости при разговоре с незнакомыми людьми? – спросил я, делая знак сержанту, вошедшему следом за «гостями».

– Ты кто такой, чтобы учить меня манерам? – завизжал незнакомец. – В общем, так, – продолжил он, – я даю тебе и твоим людям полчаса, чтобы убраться.

Да, что-то в этом городе неправильно, или, может, все так и задумано... После того, что произошло с принцессой и маркизой Ильми де Перьен, я был настроен мысленно на определенный лад.

Снова сделал знак сержанту, после чего в палатку ворвались несколько человек и быстро скрутили незнакомцев, которые даже не потрудились представиться.

Начинало смеркаться, но по моему приказу быстро притащили пару факелов, так что света было достаточно. Сержант срезал несколько тонких и гибких веток, а воины избавили от лишней одежды орущего и грозящего мне всевозможными карами неизвестно кого. Наконец в его речи проскочило, что он заместитель бургомистра королевского города и он, несмотря ни на что, уничтожит меня, что я еще буду умолять его пощадить, если его сейчас же не отпустят.

– Так... повтори, кто ты такой? – попросил я, внимательно

рассматривая его.

– Я Тибор де Васк, баронет, заместитель бургомистра города Мистон королевского подчинения, – гордо проговорил он, наверное, думал, что меня это испугает и я тут же отпущу его.

– Ну что же, теперь представляюсь и я, – проговорил я, усмехаясь, – Алекс тан эль Зорга, владелец земель, на которых располагается город Мистон королевского подчинения. И ты, баронет, нанес мне обиду, поэтому я подвергну тебя наказанию.

Даже при свете факелов было видно, как начало меняться выражение лица заместителя бургомистра.

– Нет, я не стану рубить тебе голову, хоть и имею право, но свое ты получишь... Отсчитайте ему двадцать ударов, – приказал я сержанту.

Так как специальных козел для экзекуции не было, баронета просто схватили четыре человека за руки и ноги и, приподняв, растянули, а пятый стал наносить удары. Народ, собравшийся вокруг, стал громко считать; наносились удары не со всей силы, но очень чувствительные. Стражники, сопровождавшие этого деятеля, наверное, думали, что и им достанется, но зачем мне что-то доказывать простым воинам, выполнявшим приказ? Да и за все время они не произнесли ни одного слова, так что никто их не тронул. По окончании экзекуции подвели коня, на котором прибыл баронет, и погрузили на него его тушку.

– Выпроводите их, – приказал я и отправился спать, – усилить посты, – шепнул я сержанту напоследок, а когда наконец улегся, мелькнула мысль, что надо бы и в этом городишке навести порядок, наверное, стоит переговорить с Данисом; с этой мыслью я и заснул. Ночь прошла спокойно, поэтому сразу после восхода солнца, плотно позавтракав, мы отправились дальше.

Глава восьмая

Весь дальнейший путь мы проделали без приключений. Исходя из рассказа мальчишки, мы взяли за ориентир постоянный двор «Жемчужина Сармии», до которого так и не доехали Алексия и Ильми. Я приказал посадить пацана к кому-нибудь на коня, чтобы он указал, где свернуть в лес. Так мы двигались еще часа четыре, пока парень не закричал:

– Вот сюда, сюда, да стойте же, а то проедем мимо. – Потом, наверное, опомнился, кем он командует, и замолчал. Караван наш остановился, и я принялся отдавать приказы. Карета, дилижанс и все кони остаются на опушке, двадцать человек идут со мной и мальчишкой, разбить лагерь, ждать нас и готовить ужин.

До того места, где жила Алексия, мой сын и люди, их приютившие, шли часа два, впереди, как всегда, рыскал Алы, а по бокам – его сестры. Перед самыми землянками дорогу нам преградил молодой волк, видно было, что ему страшно стоять перед таргами, но он все равно рычал, показывая клыки.

– Тюбо, Тюбо, тихо, – кинулся к нему мальчишка, а я рыкнул на Алого, чтобы никого не трогал. Услышав голос мальчишки, из землянки осторожно выглянула женщина и, увидев сына, вышла ему навстречу. Я распорядился воинам рассредоточиться и охранять, а сам направился в землян-

ку. Несмотря на то что и в лесу и на поляне было светло, в землянке было темно, два малюсеньких окошка абсолютно не давали света. Крикнув одного из воинов, чтобы принес свечи, которые я благоразумно захватил, – землянка тот же блиндаж, в котором мало воздуха и света, а уж их я повидал немало. Зажгли свечи, и в их свете я увидел вначале жавшуюся на каком-то топчане Алексею, а рядом с ней полугодовалого карапуза, уже самостоятельно сидящего и пускающего слюни. Он хлопал глазенками, смотря на огонь свечей, и что-то пытался бормотать пока еще на своем, понятном только ему языке.

– Ну, здравствуй, Виктор эль Зорга, – сказал я и, протянув руку, коснулся его маленькой ладошки. Малыш тут же схватил мой палец своей ручонкой и засопел, пуская слюни.

– Ваше высочество, как вы себя чувствуете? – обратился я к Алексею.

За спиной ахнули, мальчишка, что-то шепотом рассказывающий матери и сестре, замолчал, и землянка погрузилась в тишину.

– Разрешите нам с принцессой поговорить наедине, – обратился я к присутствующим, и те выскочили из землянки, осторожно прикрыв дверь. Мой сын так и не отпустил моей руки, обильно поливая ее слюной.

– Ты знаешь, – вдруг сказала мне Алексия, – раньше я считала, что плакать принцессе недостойно. Но потом, когда встретила тебя, я заплакала от испуга, тоски, безысход-

ности и от своей глупости. Да-да, не удивляйся, я прекрасно понимаю, что я еще глупая девчонка. Сейчас я плачу почти каждый день, потому что во всем, что произошло, виновата только я. Это я уговорила маркизу Ильми поехать со мной, потому что мне было интересно с ней и не хотелось расставаться. Если бы не моя глупость, она была бы жива, а твой сын находился бы в нормальных условиях, а не в этой землянке. Кормили бы его молоком матери, а не вонючей козы. Ну и я бы не лишилась руки, а сейчас, став ущербной, кому я нужна... – И она горько заплакала, и, глядя на нее, заплакал мой сын, а мне вдруг стало так тепло на душе и так легко. Я наклонился, обнял их обоих и засмеялся, а потом поцеловал Алексею в губы.

– Все будет хорошо. Давай собираться, – сказал ей, открыл дверь и крикнул хозяев. Когда они вошли, тоже сказал им, чтобы собирались, лишнего ничего не брали, да и вообще лучше ничего не брать, если что понадобится, мы все купим в ближайшем городке. Через полчаса все были собраны, и все равно у каждого был какой-то небольшой узелок. Больше всего дебатов возникло вокруг коз, но потом я махнул рукой и решил – пусть берут, привяжем за дилижансом, добегут – хорошо, нет – так нет. Или, может, какого-нибудь серва осчастливим, подарив или продав по дешевке это блеющее счастье.

Пока шли, Тюбо жался к ногам Дарио, опасно посматривая на бегущих таргов, но те совершенно не обращали на

него никого внимания. Единственное, что меня удивило, так это то, что когда я вышел из землянки, держа сына на руках, Альый, подойдя ко мне, вдруг встал на задние лапы и заглянул, кого это я держу на руках, понюхал, потом так же опустился на все четыре, толкнул меня своим лбом и потрусил вперед отряда.

На опушку к оставленному отряду вышли, когда вечерело, солнце еще не село, но уже повеяло вечерней прохладой. Было установлено несколько палаток, и на кострах готовился ужин. Тарги, после того как вышли на опушку, куда-то пропали, но уж за них я не переживал.

Всю дорогу я нес на руках своего сына, а рядом семеняла Алексия, ухватившись рукой за мой ремень. Малыш спал, а я смотрел на этого маленького человека, и сердце мое млело от счастья. В лагере я вручил Алексии сверток с одеждой, что передала старшая швея, а малышка попробовала покормить грудью кормилица. Увидев, как жадно он сосет, я понял, что мои переживания улетучились. Я все-таки волновался, что после того, как его продолжительное время кормили козьим молоком из рожка, он грудь не возьмет, но все страхи оказались напрасными.

После ужина мы долго сидели и разговаривали с Алексией, и она все рассказывала и рассказывала о том, как все произошло. Временами она принималась плакать и просить у меня прощения, и я успокаивал ее, но у самого на душе было тяжело.

Конечно, за время разлуки с Ильми чувства притупились, и мне было непонятно, любовь это была, или просто привязанность к женщине, с которой делил постель. Все-таки то, что Ильми была первой женщиной для меня в этом мире, а для Алекса вообще первой женщиной, имело для меня большое значение.

Потом я проводил Алексею до палатки, в которой кроме нее спали малыш и прислуга. По поводу малыша она сразу заявила, что не отпустит его никуда и он будет находиться только рядом с ней. Настаивать я не стал, раз ей так хочется, то пусть так и будет.

Утром я послал двух конников в замок родителей Ильми де Перьен, чтобы сообщить, что их внук жив, а так как я его отец, то забираю его с собой. Кроме того, я отправил послание с извинениями за то, что не смог заехать. А мы направились в замок деда Алексии, герцога Кантора. В карете помимо Алексии и малыша ехали кормилица со своим ребенком и девушка Вики, выполняющая роль служанки, на этом снова же настояла Алексия.

Когда с центрального тракта мы свернули на дорогу, ведущую к замку герцога Кантора, дверца кареты открылась, и принцесса попросила меня остановиться. Караван остановился, и она, подойдя ко мне, уточнила, правда ли, что мы едем к герцогу. Я это подтвердил. Было видно, что она, еле сдерживая слезы, повернулась и побрела обратно в карету.

«А чего она хотела, – думал я, – чтобы я ее увез к себе?»

Да на меня всех собак потом повесят, обвинят и в нападении, и в похищении, да вообще во всех смертных грехах. Да и герцог там, наверное, с ума сходит, ему ведь не могли не донести, что найдена карета с его гербом, в которой должна была ехать его внучка».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.